

ГУЗАЛИЯ САЙФУЛЛОВНА ХАЗИЕВА-ДЕМИРБАШ
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
отдела лексикологии и диалектологии, Институт языка,
литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии
наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

guzhaz@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНЫХ ИМЕН В ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ДАСТАНАХ*

Раскрывается малоизученная в татарской антропонимике проблема этнокультурного пространства личного имени в тюрко-татарских дастанах. Личные имена в дастанах рассматриваются как этнокультурные знаки, которые несут информацию об этническом составе, о духовной и материальной культуре народа и отражают религиозные и философские воззрения, обычаи и обряды этноса. Особое внимание уделено традициям имянаречения, переименования персонажей. Основное содержание статьи посвящено семантическому и этимологическому анализу личных имен в дастанах. Обоснован вывод о том, что в тюрко-татарских дастанах сохранены личные имена – архаизмы, утраченные в языке, которые создают предпосылки для реконструкции праязыковой антропонимической системы.

Ключевые слова: личные имена, этнокультурные знаки, этнокультурное пространство, тюрко-татарские дастаны, имянаречение, переименование

В многовековой истории татарского народа дастаны играют неосценимую роль в формировании этнокультурного пространства и являются значимыми источниками языка, истории, мировоззрения тюркских народов. Этнокультурный фактор имеет существенное значение в функционировании и развитии антропонимов в эпических произведениях фольклора. Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, этнокультурное пространство – это «информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится ощутимым при столкновении с влияниями культуры» [1: 6]. Весьма актуальной областью исследования татарского языкознания является изучение языка фольклора, в том числе и антропонимики. Многие теоретические вопросы изучения фольклорной лексики нашли свое освещение в трудах С. Ж. Баяндиной [6], Л. Л. Габишевой [2], О. Г. Горбачевой [3], В. М. Жирмунского [4], И. Г. Закировой [5], Б. Х. Исмагуловой [6], Т. Н. Кондратьевой [9], Д. М. Керимбаева [7], С. Е. Керимбаевой [8], Э. Б. Магазаника [10], Л. Х. Мухаметзяновой [11], В. Я. Проппа [12], К. Рейчл [23], В. И. Супруна [13], Д. М. Токмашева [15], Т. В. Топоровой [17], С. М. Толстой [16], Ф. Урманчеева [18], Г. С. Хазиевой-Демирбаш [19], [20], Л. М. Щетинина [21] и др. Э. Р. Тенишев подчеркивал ценность дастанного жанра: «Язык фольклорных произведений (в особенности обрядовых формул) устойчиво сохраняет черты как наддиалектного, так и диалектного типов. Язык тюркского фольклора почти не исследо-

ван. Необходимо систематическое изучение языка тюркского эпоса и произведений фольклора, разработка методики такого исследования» [14: 123]. В целом в татарском языкознании нет комплексных исследований, раскрывающих суть, предмет фольклорной ономастики, в частности особенности функционирования личных имен и их этнокультурного пространства в татарских эпических произведениях. В этом смысле предпринятое нами исследование призвано в определенной мере восполнить существующий пробел.

Целью настоящего исследования является изучение отражения в дастанах обрядов имянаречения и переименования, а также раскрытие семантических особенностей эпических имен. В работе использован комплекс методов и приемов анализа фактического материала в соответствии с поставленной целью работы: метод компонентного анализа, сравнительно-исторический, сопоставительный методы исследования.

В эпических произведениях герой наделяется говорящим именем, по которому угадываются характер, возраст, роль богатыря в событиях эпического мира (является ли он положительным или отрицательным персонажем). Семантика слова в фольклорном тексте, который еще сохраняет свою синкретичную структуру и сильные внетекстовые связи, опирается не только на текст, но и на «затекстовую» информацию – ходячие представления, мифы, обряды, приметы, обычаи и т. д. – все, что образует так называемую фоновую информацию [2: 7]. В тюрко-татарских дастанах «затекстовую» информацию содержат описания волшебного рождения героя, обычаи

имянаречения и переименования, в которых «архаическая модель мира предполагает тождество имени и природы его носителя» [7: 7], обнаруживается органическая связь личного имени с древними представлениями, верованиями человека. Так, в дастанах обряды имянаречения и выбора имени имеют знаковое значение и отражают магическую неуязвимость, силу против сверхъестественных сил главного героя.

Обычаи и обряды имянаречения сохранились в самых поздних эпических произведениях древнетюркских эпитафий VI–VIII веков, в которых документально зафиксировано наличие двух, трех и до нескольких имен эпического героя. В них личное имя раскрывает природу носителя имени, согласно которой формируется личность человека, определяется его судьба. Так, например, в «Памятнике из Кежилиг-хобу» упоминается, что у героя было несколько имен: «Мое детское имя – Шубун... мое имя Кюмюль-огя» (ПТ, с. 117)¹. В контексте выясняется, что мальчик получил свое настоящее имя после того, как послужил государству. Архаические обряды и обычаи имянаречения, переименования древнетюркских народов нашли свое отражение и широкое распространение и в татарских дастанах. Следует отметить, что в тюрко-татарских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя. В этом отношении весьма своеобразным является повествование о наречении главного героя в татарской версии средневекового дастана «Чура батыр». Так, в дастане отец называет своего сына в честь своего раба – Чура, в древнетюркском языке это слово имеет значение ‘мальчик, работник, хлебопашец, воин’ (ДТС, с. 79)². Не случайно главный герой был назван данным именем, так как в конце повествования он становится богатырем, воином. «Нәрән Чура дигән колын азат итеп, күк айгырны корбанлык итеп чалып, Ходай юлына куш чырак нияз итеп килеп, Миңле баласын алды. Угыл бала туды. Атын – азат кылган колы Чураның урынына – Чура атады» (Нарен освободил своего раба, принес в жертву своего коня. Взял в руки своего ребенка. Назвал в честь освободившего раба – Чурой) (ТЭ, с. 245)³. Таким образом, выбор будущего богатыря, кто инициатор этого «счастливого имени», кто его нарекает этим именем – все эти моменты считались чрезвычайно важными и в эпическом произведении занимали значимое место [5: 296].

В основном в эпических произведениях личные имена отождествлялись с понятиями храбрости, отваги. К личным именам добавлялись компоненты, отражающие понятия богатырства героя. Как отмечает Ф. И. Урманчеев, эпические герои наделялись ханскими титулами, но воспевались они не как ханы, а как бесстрашные богатыри. Поэтому в состав имен этих героев

гораздо чаще включались слова, подчеркивающие их мужество, богатырские качества: *алп*, *ер*, *батыр*, *мәргән* [18: 25]. Добавление к именам компонентов, подчеркивающих исключительные качества героя, встречается в эпитафических памятниках тюркской рунической письменности. Например, в текстах рун большое количество имен с компонентом *алып*: *inanču alp saḡun*, *alp aja*, *alp er toḡa~ toḡa alp er* (имя легендарного правителя Турана, к которому возводится генеалогия тюркских Караханидов; Афрасиаб); *alp buryučan*, *alp šalčï*, *alp tegin*, *alp toyrıl*, *alp turmıš*, *alp tutuq* (ДТС, с. 52). В тюркских рунических эпитафиях компонент *алып* связывается с представлением о богатырстве и героизме, хотя и сохраняет ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько мужчину, чаще воина. В основном данные личные имена давались богатырям в качестве прозвища, титула или воинского звания. В словаре М. Кашгари «Дивану лугат ит-тюрк» слово *алп* имеет значение ‘силач, великан, богатырь’ [22: 85]. В древнетюркском языке семантика данного слова намного шире: 1. Меткий стрелок; 2. Герой, богатырь, витязь; 3. Отважный, храбрый, смелый; 4. Отвага, храбрость, мужество’ (ДТС, с. 54). В татарском языке слово *алып* имеет значение ‘великан, богатырь’. В паремиологическом фонде татарского языка встречается фразеологическая единица мифологического происхождения *алыптай гәүдәле*, которая означает человека исполинского роста, богатырского телосложения (ТРС-1, с. 65)⁴. По нашему мнению, данные устойчивые словосочетания являются мифологическими образованиями ассоциативного характера.

Компонент *алып* встречается и в личном имени главного героя татарского дастана «Сказание об Алпамыше». В различных версиях дастана личное имя главного героя имеет разные варианты: в алтайской – Алып-Манаш, в узбекской – Алпамыш, в казахской – Алпамыс, а в татарском варианте – Алпамша. Все варианты имен восходят к алтайскому варианту личного имени – Алып-Манаш, то есть ‘богатырь Манаш’, который имеет значение ‘эпический богатырь’. Вариативность личных имен в дастанах связана с метафоричностью обозначений и свидетельствует о поэтической природе имени [7: 9]. Личное имя героя татарских эпосов и сказок Алпамыш образовано в результате сокращения личного имени кыпчакских эпосов Алып Манаш. На наш взгляд, *манаш* имеет значение ‘белый, с темным оттенком’. Скорее всего, личное имя Алып Манаш означает богатыря на белом коне (ТТЭС-2, с. 96)⁵. В татарском языке произошла онимизация личного имени Алпамша главного героя дастана «Алпамша». Так, слово *алпамша* в татарском языке имеет

семантику крупного человека (ТТАС, с. 34)⁶, а в татарских локальных вариантах культуры семантика имени намного шире: «1. Мифический образ великана, крупного человека; 2. Самый большой, самый крупный» (ТТЗДС, с. 413)⁷. В татарских диалектальных паремиях встречается фразеологическая единица *алпамыш йокосо* в значении ‘крепкий сон’ (ТТЗДС, с. 412). В татарском языке употребляется вариант личного имени героя Алпамыш – Алпамша, состоящий из двух компонентов: *алып* (т.) + *шах* (п.) – ‘царь, повелитель’ (ТТАС, с. 35). По мнению Ф. И. Урманчеева, компонент *шах* имеет давние корни и является признаком присутствия в образе героя божественных или царских кровей [18: 121]. Так, в эпических именах компоненты *алып*, *батыр* приобретают нарицательное значение и начинают обозначать какое-либо качество, особенность (физическую, нравственную), родовую принадлежность, звание, род занятий.

Личные имена, обозначающие исключительные качества героя дастана, в составе которых присутствует компонент *мәргән*, являются распространенными во многих тюрко-монгольских языках, в том числе и в татарском фольклоре. Так, к примеру, в татарском дастане «Жик Мәргән» главный герой получает имя уже по достижении совершеннолетия, когда он готов к богатырским подвигам: «Синен исемең Жик булсын! Жәяңнык булсын!» (букв.: Пусть твое имя будет Жик. Твоя стрела будет меткой!) (ТЭ, с. 345). Главному герою имя дается с пожеланием доблести и храбрости на войне. Личное имя Жик Мәргән состоит из двух компонентов: *жик* – в древнетюркском языке имеет значение: 1. Хороший; 2. Демон (ДТС, с. 253). В свою очередь, данное слово употребляется в отношении ловкого человека, похожего на шайтана (черта) (ТТЭС-2, с. 268). В личном имени Жик Мәргән второй компонент *мәргән* имеет семантику ‘меткий стрелок, охотник’ (ТРС, с. 67). В тюрко-татарских дастанах компонент *Мәргән* (*Мәрген*, *Бәрген*, *Мирген*) в основном употребляется по отношению к положительным героям. Личные имена героев с компонентом *мерген* встречаются в эпических произведениях тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья: *Жик Мәргән* (ТЭ, с. 28), *Кадыш Мәргән* (ТЭ, с. 86), *Тәвеш Мәргән* (ТЭ, с. 128), *Сәңгелгөлек Мәргән* (ТЭ, с. 234), *Туктасын Мәргән* (ТЭ, с. 231), *Хәлмәт Мәргән* (ТЭ, с. 561).

В татарском дастане «Сәңгелгөлек мәргән» личное имя главного героя при рождении – Сәңгелгөлек. Второе имя ему присваивается тогда, когда он стал юношей и начал охотиться, тогда к личному имени Сәңгелгөлек добавляется компонент *мәргән*. Личное имя Сәңгелгөлек восходит к слову *сәңге* – ‘копье, пика’ (ТТЭС-2, 173), в древнетюркском языке *siŋgü* имеет значение ‘копье’ (ДТС, 517). Слово *мәргән* имеет

синонимичные значения со словами *алып*, *батыр*. Мифопоэтическое значение слова *батыр* намного шире. Эпические герои в татарских дастанах, имеющие имена с компонентом *батыр*: *Чура батыр* (ТЭ, с. 223), *Кобланды батыр* (ТЭ, с. 34), *Алпамыс батыр* (ТЭ, с. 56), *Карабек батыр* (ТЭ, с. 76), *Карадоң батыр* (ТЭ, с. 123), *Аркалык батыр* (ТЭ, с. 234) и др. В данных именах компонент *батыр* имеет два значения: «1. Герой, доблестный мужчина; молодец; смельчак; 2. Богатырь, храбрец, храбрый воин» (ТРС-1, с. 63). В тунгусо-маньчжурских языках слово *батыр* < *батар* < *батур* < *багатур* употребляется в эвенкийском, солоском, эвенкском, нанайском, маньчжурском языках и имеет семантику: 1. Богатырь; 2. 1) сильный, 2) большой; в тунгусском языке: 1) горячий, вспыльчивый (о человеке), 2) свирепый; в сол.: богатырь; в маньчжурском: 1. Богатырь, герой; 2. Храбрый (ССТМЯ, с. 62)⁸. В татарской паремиологии *камыр батыр* (досл. «храбрец из теста») означает слабого человека (ТТАС, с. 34). Прибавление к эпическим именам компонента *батыр* связано с давними традициями татарского, тюркского и тюрко-монгольского эпоса.

Имена героев, в которые включены определения *алып*, *мәргән*, *батыр*, бытуют на всей территории расселения тюрко-монгольских народов – в Якутии, Южном Приуралье, Южной Сибири, на Алтае, в Среднем Поволжье.

Наречение младенца тотемным именем относится к древним традициям, человек пытался передать силу тотема ребенку, чтобы тотем всегда оберегал младенца. В «звериных именах» сохраняются черты чрезвычайной этнокультурной архаики. В связи с этим присвоение членам рода наименования тотемного животного или птицы было достаточно широко распространено в древнетюркских орхоно-енисейских эпитафиях, что не могло не отразиться и в фольклоре. Так, в дастане «Кара Кукел» главный герой Кара Күкел совершает подвиг и ему присваивается титул *алып*, таким образом, он становится Күкел Алып (*күкел* ‘кукушка’ + *алып* ‘великан, богатырь’). В дастане такой же эпизод встречается и в переименовании другого персонажа Кучкар Алып (слово *кучкар* в диалектах татарского языка имеет семантику ‘баран-производитель; бойцовый баран-чемпион’; метафорическое значение ‘боец, темпераментный парень’ (ТТЭС-2, с. 476) + *алып* ‘великан’): «Баланың исеме – Кучкар алып. Кучкар алып, шул жирдә атасыннан рөхсәт алып, алыплык эзләп китте» (букв.: Ребенка называют Кучкар алып. Получив у отца благословение, он отправился совершать подвиги) (ТЭ, с. 211). В енисейских памятниках зафиксированы имена с компонентом *qoçyar* ‘баран-производитель’: *qoçyar töläs tirig*. Образ барана тесно связан с Тенгри и Небом и большое место занимал в космогонических верованиях древних тюрков. Образ

барана отражается и в болгарских археологических материалах. Баран является жертвенным животным, посвященным солнцу, небу. В татарских афористических изречениях есть поговорка: «Алланың кашка тәкәсеме син?» Так говорят, когда кто-либо пытается поставить себя в особое положение. Таким образом, в дастанах отголоски тотемизма, вера в сверхъестественные свойства животных и птиц сохранились в семантике некоторых компонентов личных имен эпических героев.

Эпизод имяназвания встречается в одном из архаичных образцов татарского народного дастана «Алтаин Саин Суме». В сюжете описываются события приношения стариками в жертву коровы с пожеланием иметь ребенка. По этому поводу старики собирают и угощают народ мясом. Однажды к ним заходит странствующий человек, которого старик со старухой просят помолиться и попросить у Всевышнего для них сына. Странник выполняет просьбу старика. Через год у них рождается долгожданный сын. В татарской версии дастана «Алтаин Саин Суме» сначала ребенок ходит без имени. В одном из эпизодов описываются переживания родителей по поводу того, что у сына нет имени: «Балабыз ките. Аты югин ките. Кеше балабызга юлыкса, атың кем дип сораса, балабыз ни дип әйтер? Хатыны әйтте: – Ә абышка, баланы кыйгыр! Кайтсын! Кыйгырды атасы. Кайтып килде бала. Атасы әйтте: – И балам, сиңең атың юк. Инәсе әйтте иренә: Ат куй моңа! Абышка әйтте: Алдына менгән аты Арык жирән атлы, Алтаин Саин Сүмә! Атың ул, балам!» (букв.: Дитя наше уходит. Без имени уходит. Если кто-нибудь встретится с ним, спросит, как его зовут, что он скажет? Старик, верни сына, пусть вернется. Скажи, что мать велела. Назови его именем. Назови его Алтаин Саин Суме. Это твое имя, сынок) (ТЭ, с. 124). Личное имя Алтаин Саин Сүмә состоит из трех компонентов *алтаин* + *саин* + *суме*. Компонент *алтаин* < *алтан* в эвенкском, тунгусском, тюркском, маньчжурском языках обозначает 'золото' (ССТМЯ, с. 33). Некоторые исследователи считают, что имя богатыря Алтаин Саин Сүмә восходит к названию конкретной местности Алтаин, и связывают формирование и происхождение татарского эпоса от алтайского героического эпоса (ТЭнц, с. 117)⁹. Компонент *саин* является титулатурным эпитетом, имеет значение 'великолепный, славный, особо почитаемый; уважаемый' (ТТЭС-2, с. 130); в монгольском языке слово *саин* – 'знаменитый, хороший, здоровый' (МИ, с. 211)¹⁰. Именно это имя присвоил себе Бату Саин – родоначальник ханов Золотой Орды, стараясь тем самым подчеркнуть божественность происхождения не только своей власти, но и своего имени. Таким образом, в дастане «Алтаин Саин Суме» родители благоговейно чтят своего сына, нарекая личным именем,

с пожеланиями всяческих благ и отправляют его совершать подвиги.

В тюрко-татарских дастанах герои имеют несколько имен. В древности в обществе, сохранившем особенности родового строя, нарекали двумя именами – обычным и тайным. Настоящее имя табуировалось или скрывалось от врага и считалось «полноправным представителем человека перед лицом высших, божественных, небесных защитников, но оно же открывает его опасным, демоническим, потусторонним силам» [16: 379]. Так, например, в довольно позднем историко-героическом сказании целого ряда тюркских народов «Идегей», что особенно ярко отражается в его татарской версии, главный герой скрывает свое настоящее имя Кубугыл, называя себя Идегеем. Табуирование личного имени сохранилось и в традиционной культуре татар: так, в татарской семье после свадьбы женщина должна соблюдать строгие правила именования мужа, его родных, исключая употребление их настоящих имен. Обычай табуирования личного имени, имеющий древние корни и связанный, прежде всего, с представлениями об опасности, известен всем тюркским народам и сохраняется в некоторых особенностях именования супругов вплоть до наших дней.

В тюрко-татарских дастанах нет описания обычая имяназвания, переименования женских имен. В основном антропонимикон тюрко-татарских эпических дастанов характеризуется следующими женскими именами, образованными при помощи компонентов *сылу* 'красавица': Майсылу («Кузыкурпач белән Майсылу»), Баянсылу («Кузы Көрпә» дастаны) (ТЭ, с. 112): *баян* (а.) 'ясность; повествование' + *сылу* (т.), Гөлемсылу («Камбәр» (ТЭ, с. 34) – *гөлем* (т.) 'мой цветок' + *сылу* (т.), Сусылу – *су* (т.) 'вода' + *сылу* (т.) («Түләк һәм Сусылу дастаны») (ТЭ, с. 23), Көнәрсылу – *көн* (т.) 'день' + *сылу*, Карлыгачсылу – *карлыгач* (т.) 'жаворонок' + *сылу* (т.), Мәржәнсылу – *мәржән* (т.) 'жемчуг' + *сылу* (т.) («Алыпмәмшән») (ТЭ, с. 24), Карачәсылу – *кара* (т.) 'черный' + *чәч* (т.) 'волосы' + *сылу* (т.) («Бүз егет») (ТЭ, с. 24), Мактымсылу, Көнсылу – *көн* (т.) 'день' + *сылу* (т.), Айсылу – *ай* (т.) 'день, месяц' + *сылу* (т.) («Мактымсылу») (ТЭ, 345); *бикә* 'госпожа': Тукбикә – *тук* (т.) 'сытый' + *сылу* (т.) («Атаклы кыз Тукбикә») (ТЭ, 245); *жамал* (а.) 'красота, милость' (МИ, с. 341): Сәхипжамал – *сахиб* (а.) 'обладательница' + *жамал* (а.), Фәтхелжамал (ТЭ, с. 112) – *фәтхел* (а.) 'открытие, успех, победа' + *жамал* (а.) и др.

Таким образом, личные имена отражают этнокультурное пространство, которое представляет совокупность воззрений, взглядов и представлений этноса, народа об окружающем мире и месте человека в нем, обуславливающую основные жизненные ориентации людей и представляющую

историческое обобщение социального и духовного опыта прошлого, закрепленное и отраженное в стереотипах поведения, в обрядах и обычаях, в традициях имянаречения. В тюрко-татарских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя, прежде всего, подчеркивается его смелость, храбрость, оно раскрывается в семантике некоторых компонентов (*алп, эр/ур, батыр*). Отголоски присвоения имен тотемных животных или птиц, широко распространенные в более позд-

них орхоно-енисейских эпитафиях, встречаются и в именовании героев тюрко-татарских дастанов. Встречающиеся в эпизодах дастана обычаи табуирования личного имени трактуются как важнейший инструмент, регулирующий отношения человека с миром. В эпических именах отражается характер, деяния, черты человека, в результате чего некоторые имена превращаются в устойчивые словосочетания и тем самым сохраняют и фиксируют мифопоэтические образы в народной лексике.

* Статья написана при поддержке гранта Республики Татарстан при Президиуме Академии наук Республики Татарстан (гос. № 18-62-фГ-2016).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ПТ – Поэзия тюрков VI–VIII веков / Под ред. И. В. Стебелевой. М.: Наука, 1965. 146 с.
- ² ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 675 с.
- ³ ТЭ – Татар эпосы. Дастаннар / Сост. Ф. Урманчеева. Казань: Раннур, 2004. 640 с.
- ⁴ ТРС-1 – Татарско-русский словарь: В 2 т. Т. 1 (А-Л). Казань: Алма-Лит, 2007. 727 с.
- ⁵ ТТЭС-2 – Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге. Т. 2 (М-Я). Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. 567 с.
- ⁶ ТТАС – Татар теленен анлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 с.
- ⁷ ТТЗДС – Татар теленен зур диалектологик сүзлеге / Төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 836 с.
- ⁸ ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1 (А-Н). Л.: Наука, 1975. 671 с.
- ⁹ ТЭнц – Татарская энциклопедия / Гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Институт татарской энциклопедии, 2002. 671 с.
- ¹⁰ МИ – Мусульманские имена: Словарь-справочник. СПб.: Дия, 2007. 448 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. Габишева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины. М.: РГГУ, 2003. 192 с.
3. Горбачева О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Брянск, 2008. 26 с.
4. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
5. Закирова И. Г. Дастан «Ак Кубек» тюркских народов // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 296–301.
6. Исмагулова Б. Х., Баяндина С. Ж. Ономастическое пространство казахского фольклора // Материалы международного конгресса «Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии». Кокшетау, 2009. С. 187–192.
7. Керимбаев Д. М. Состав и этнолингвистическая характеристика собственных имен казахского фольклора: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004. 28 с.
8. Керимбаева С. Е. Ономастическая экспликация мифологической модели мира в казахском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2004. 28 с.
9. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. 245 с.
10. Магазаник Э. Б. Ономапозитика или говорящие имена в литературе. Ташкент: Фан, 1978. 146 с.
11. Мухаметзянова Л. Х. Книжный дастан в творчестве казанских татар // Вестник ТГПУ. 2011. № 4 (26). С. 247–249.
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 604 с.
13. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000. 122 с.
14. Тенишев Э. Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков // Советская тюркология. 1973. № 5. С. 119–124.
15. Токмашев Д. М. Антропонимы в героическом эпосе: Сравнительно-исторический аспект. Новокузнецк, 2005. 220 с.
16. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
17. Топорова Т. В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 253 с.
18. Урманчиев Ф. Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ, 2015. 448 с.
19. Хазиева-Демирбаш Г. С. Антропонимическое пространство татарских и турецких загадок // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 3. С. 128–130.
20. Хазиева-Демирбаш Г. С., Биктагирова З. А. Личные имена в татарских и турецких пословицах и поговорках // Вопросы современной науки и практики. 2012. № 2 (40). С. 271–274.
21. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах. Ростов н/Д, 1966. 119 с.
22. Kaşgarlı M. Divanü Lügat-it- Türk. Çev. B. Atalay. Çilt 4. Ankara, 2006. 530 p.
23. Reichl K. Türk Boylarının destanları. Çev. Metin Ekici. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2002. 441 p.

Khazieva-Demirbаш G. S., Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov,
Academy of Science of the Republic Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

ETHNOCULTURAL SPACE OF PERSONAL NAMES IN TURK-TATAR EPOSES

Characteristic features of the ethnocultural space of a personal name in the Turk-Tatar eposes are considered. The importance of the ethnolinguistic research of the ethnocultural space of personal names is substantiated. Personal names of the epos heroes are folklore archaisms of the Turk-Tatar language. They create prerequisites necessary for the reconstruction of prayazykovy system and; therefore, their ethno-cultural research promotes emergence of new tendencies in the language. The epos's personal names are understood as ethnocultural signs bearing information on the ethnic structure, on the spiritual and material essence of the people's culture, on religious and philosophical views, customs and ceremonies inherent to the life of the ethnos in focus. Using dastan's materials, the interconnection of single and general concepts of personal names with common nouns, considering their implied meaning, was revealed. Common features of naming and renaming traditions characteristic of "dastanakh" are also studied. Particular significance of the dastan hero's personal name is revealed.

Key words: personal names, ethnocultural signs, ethnocultural space, Turk-Tatar epos, naming, renaming

REFERENCES

1. Alefirenko N. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguistic culturology : valuable and semantic space of language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 288 p.
2. Gabisheva L. L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira* [The word in the context of a mythopoetic picture of the world]. Moscow, RGGU Publ., 2003. 192 p.
3. Gorbacheva O. G. *Onomasticheskoe prostranstvo russkikh narodnykh i avtorskikh skazok: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Onomastic space of the Russian national and author's fairy tales]. Bryansk, 2008. 26 p.
4. Zhirmunskiy V. M. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epos]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 727 p.
5. Zakirova I. G. Dastan "Ak Kubek" Turkic peoples [Dastan "Ak Kubek" tyurkskikh narodov]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2009. № 4. P. 296–304.
6. Ismagulova B. Kh., Bayandina S. Zh. Onomastic space of Kazakh folklor [Onomasticheskoe prostranstvo kazakhskogo fol'klora]. *Materialy mezhdunarodnogo kongressa "Aktual'nye problemy kompleksnogo issledovaniya altaistiki i tyurkologii"*. Kokshetau, 2009. P. 187–192.
7. Kerimbaev D. M. *Sostav i etnolingvisticheskaya kharakteristika sobstvennykh imen kazakhskogo fol'klora: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Structure and ethnolinguistic characteristic of proper names of Kazakh folklore]. Almaty, 2004. 28 p.
8. Kerimbaeva S. E. *Onomasticheskaya eksplikatsiya mifologicheskoy modeli mira v kazakhskom yazyke: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Onomastic explication of mythological model of the world in the Kazakh language]. Almaty, 2004. 28 p.
9. Kondrat'eva T. N. *Sobstvennye imena v russkom epose* [Own names in the Russian epos]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1967. 245 p.
10. Magazanik E. B. *Onomapoetika ili govoryashchie imena v literature* [Onomapoetics or the speaking names in literature]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 146 p.
11. Mukhametzyanova L. Kh. Book Dastan in the work of the Kazan Tatars [Knizhnyy dastan v tvorchestve kazanskikh tatar]. *Vestnik TGGPU*. 2011. № 4 (26). P. 247–249.
12. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epos]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1958. 604 p.
13. Suprun V. I. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Onomastic field of Russian and its artistic and esthetic potential]. Volgograd, 2000. 122 p.
14. Tenishev E. R. About methods and sources of comparative-historical researches of Turkic languages [O metodakh i istochnikakh sravnitel'no-istoricheskikh issledovaniy tyurkskikh yazykov]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1973. № 5. P. 119–124.
15. Tokmashev D. M. *Antroponimy v geroicheskom epose: Sravnitel'no-istoricheskiy aspekt* [Antroponima in the Shor heroic epos]. Novokuznetsk, 2005. 220 p.
16. Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoy perspektive* [Word space. Lexical semantics in all-Slavic prospect]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 527 p.
17. Toporova T. V. *Yazyk v zerkale kul'tury: drevnegermanskije dvuchlennnye imena sobstvennye* [Language in a culture mirror: ancient German binomial proper names]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 253 p.
18. Urmancheev F. *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epic]. Kazan, IYaLI Publ., 2015. 448 p.
19. Khazieva-Demirbаш G. S. Anthropometric space of the Tatar and Turkish riddles [Antroponimicheskoe prostranstvo tatarskikh i turetskikh zagadok]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 3. P. 128–130.
20. Khazieva-Demirbаш G. S., Biktagirova Z. A. Personal names in the Tatar and Turkish proverbs and sayings [Lichnye imena v tatarskikh i turetskikh poslovitsakh i pogovorkakh]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*. 2012. № 2 (40). P. 271–274.
21. Shchetinin L. M. *Slova, imena, veshchi. Ocherki ob imenakh* [Words, names, things. Sketches about Names]. Rostov-na-Donu, 1966. 119 p.
22. Kaşgarlı M. *Divanü Lügat-it- Türk. Çev. B. Atalay. Çilt 4*. Ankara, 2006. 530 p.
23. Reichl K. *Türk Boylarının destanları. Çev. Metin Ekici*. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2002. 441 p.

Поступила в редакцию 12.11.2015